

Дополнительная сцена:

Тайпин спросила:

— Знаешь, что может быть лучше, чем быть твоей подругой?

Вэй Хуань ответила:

— Не знаю.

Тайпин улыбнулась:

— Быть тобой.

Вэй Хуань:

— ...

Авторское примечание: Небо внезапно разверзлось дождем. Карета мчалась по улицам, колеса вздымали мириады мелких брызг.

Экипаж въехал в дворцовые ворота. Дежурный офицер подошел с осторожным вопросом. Дугу Шао пришпорила коня, перекинулась с ним несколькими словами, кучер распахнул дверцу. Стражник почтительно взглянул на мое лицо, лишь затем махнул рукой, пропуская нас внутрь.

От ворот до Чертога Чжэньгуань количество постов охраны превышало обычное впятеро. Солдаты, слуги, евнухи — все были сумрачны и молчаливы. Стоя группами, они не смели ни болтать, ни смеяться, как прежде. Каждый следил за словами и движением, словно во дворце остались одни лишь глухие да немые.

Ваньэр провела меня во внутренние покои.

Я тут же заметила Ли Жуя у кровати — лицо его было в слезах.

Ему семнадцать, ростом он почти сравнялся с наследным принцем — нет, с низложенным наследным принцем. На губах наконец пробился тонкий пушок усов, еще светлый, пушистый, словно молодая трава. На нем не княжеские одеяния, а простой светло-лиловый халат, на голове — никакой короны, лишь шпилька, собравшая волосы. Увидев меня, он дрогнул, хотел окликнуть, но сдержался, опустил голову, смахнул следу тыльной стороной ладони. Лишь когда я подошла, он кивнул мне.

Матушка сидела у изголовья, не сводя глаз с отца. Услышав мой вход, она обернулась и равнодушно произнесла:

— Сыцзы здесь.

Я опустилась на колени, совершила полагающийся почтительный поклон. Матушка не велела служанкам поднимать меня, лишь взглянула на Ли Жуя:

— Поклонись своему старшему брату.

Тело Ли Жуя содрогнулось, вырвался тихий стон. Матушка бросила на него взгляд — и звук замер в горле. Я повернулась к нему, поклонилась и тихо сказала:

— Приветствую старшего брата.

Он беспомощно пошевелил руками, губы дважды дрогнули, прежде чем он торопливо проговорил:

— Встань, встань.

Я взглянула на матушку. Та кивнула, и я медленно поднялась, подошла к ложу взглянуть на отца.

Если в прошлом году он казался лишь больным и ослабевшим, то теперь передо мной был совсем одряхлевший старик. За считанные дни голова его обильно поседела, он страшно исхудал, глаза ввалились. Заметив меня, он слабо скривил губы в подобии улыбки, беззвучно позвал:

— Сыцзы.

Рука его чуть приподнялась в воздухе, словно пытаюсь ухватить мою ладонь. Я поспешно протянула руку, сжала его пальцы, назвав:

— А-е.

Он изо всех сил сдавил мою кисть, помолчал, затем снова позвал:

— Чжину.

Ли Жуй тоже подошел. Отец ухватил и его руку. Несколько раз он открывал рот, но так и не смог вымолвить ни слова, лишь тяжело вздохнул. Матушка позволила нам побыть с ним еще мгновение, затем сказала:

— Здоровье Вашего Величества не позволяет долго бодрствовать. Уйдите, пусть отдохнет.

Я взглянула на отца. Тот закрыл глаза и кивнул. Мы оба почтительно склонились в поклоне, затем один за другим вышли в боковой зал, ожидая дальнейших распоряжений.

Едва мы скрылись от взора матушки, Ли Жуй не выдержал и дрожащим голосом окликнул:

— Сыцзы.

Я спросила:

— Что случилось?

Он огляделся, подвел меня к скамье в боковом зале и понизил голос:

— На большом дворцовом совете Палата цензоров подала доклад прямо перед всеми. Говорят, в столице распространяются летучие письма с клеветническими слухами. Будто бы наследный принц... второй брат... сговаривается с воинами, подкупает народ, замышляет недоброе.

Я нахмурилась:

— На совете в день полнолуния?

Он кивнул:

— Все были там. И вот так... прямо перед всем двором подали обвинение. Все гражданские и военные чины, все... и я тоже.

Я похлопала его по руке, стараясь успокоить. Он немного пришел в себя и продолжил:

— Император пришел в ярость, решил, что это клевета на наследного принца. Но матушка... Тяньхоу приказала тщательно расследовать обе стороны. Позже... выяснилось, что летучие письма распространял князь У, однако обвинения оказались правдой. В прошлом году наследный принц... второй брат, увидев, что стража у галерей питается лишь корой вязов да дикими плодами, сжалился над ними и повелел управляющему раздать тем семействам рис — всего несколько сотен дворов. Те семьи помнили его милость, а в этом году... в этом году, услышав, что император благоволит князю У и хочет сменить наследника, вступили в стычку с воинами из владений четвертого брата... Да и его помощь пострадавшим от голода тоже превратилась в обвинение в подкупе народа.

Я спросила:

— И тогда четвертый брат стал распространять летучие письма с клеветой?

Ли Жуй ответил:

— Так говорится в докладе Цю Шэньцзи.

Услышав имя Цю Шэньцзи, я онемела. Ли Жуй выждал паузу, затем продолжил:

— Император хотел замять дело, но потом... чем дальше шло расследование, тем больше всплывало подробностей. Четвертый брат... князь У-предатель... подглядывал за дворцовыми покоями, сблизился с внутренними слугами, те через своих людей подали доклад, утверждая, будто второй брат тайно хранит доспехи и готовит мятеж. Они перечислили множество имен, заявив, что все они замешаны в заговоре. Император послал стражу Цзинью обыскать Восточный дворец... и нашли... несколько сотен тканевых доспехов.

Я переспросила:

— Тканевые доспехи, а не железные. И из-за этого... лишили престола?

Ли Жуй покачал головой:

— Второй брат сказал, что эти доспехи носят лишь стражи, когда он выезжает инкогнито. Поскольку подготовка настоящих доспехов отнимает много времени, а выезды часто случаются внезапно, он держал запасной комплект. Это не было умышленным сокрытием. Император, увидев, что доспехи всего лишь тканевые, хотел отослать второго брата в Восточный дворец для размышлений о проступке. Но матушка... Тяньхоу настаивала на суровом наказании. Они долго спорили, и тогда матушка... матушка сказала: «Ваше Величество помнит, как покойный император сохранил жизнь своему любимому сыну?» И тогда император... согласился.

Долгое время мы лишь молча смотрели друг на друга. Слуги беззвучно подали чай и удалились. Ли Жуй залпом осушил чашку, затем снова взглянул на меня:

— Сыцзы, матушка... она... неужели она не любит старшего брата?

Я переспросила:

— Почему ты так думаешь?

Он ответил:

— Ничего.

Спустя мгновение он добавил уже шепотом:

— Вчера жена второго брата родила сына. Ему дали имя Фэнцзе. После родов она... скончалась.

Голос его вновь задрожал. Задрожали и мои руки. Через некоторое время он продолжил:

— Я хотел усыновить Фэнцзе, но оба их величества... не позволили.

Я горько усмехнулась:

— Разумеется, они не позволили.

Ли Жуй вздохнул, выждал, затем сказал:

— Двоюродная бабушка Яньань тоже оказалась замешана. А-Чжао... сейчас содержится в Департаменте Нэйши.

Я нарочно спросила:

— Разве она тебе не нравилась?

Он долго молчал, наконец проговорил:

— Она носит мое дитя.

После этих слов мы молчали до тех пор, пока матушка не прислала за нами.

Эту ночь и последующие несколько дней Ли Жуй провел в боковом зале Чертога Чжэньгуань, я же осталась в Террасе Личунь. Охрана здесь также усилилась, однако прислуга осталась прежней, привычной мне. Сун Фою и А-Хуань вновь перетрясли всех, строго запретив передавать вести наружу и болтать между собой.

Я постепенно начала понимать методы матушки. Как и тогда, когда она вызвала князя У в столицу, эти приемы кажутся простыми, и потом всякий может их разгадать. Но до свершения мало кто способен угадать ее намерения. Даже если догадаешься, это едва ли поможет наследному принцу выйти из игры.

Вызов князя У в столицу, благоволение младшему внуку, выговоры наследному принцу, тренировка слуг, распространение слухов... Все это было оружием против второго брата, но не конечной целью. Все действия матушки были направлены на одно: запугать второго брата, заставить его впасть в панику, сбиться с толку и совершить ошибку.

Как мать, она знала своего сына слишком хорошо. Моего второго брата с детства назначили наследным принцем. Все эти годы у матушки был лишь он один сын, и она его безмерно баловала. Отец подбирал для него лучших наставников, приказывал придворным составлять для него книги. С младенчества и до сего дня он почти не ведал никаких неудач.

И вот матушка начала его испытывать. Один раз еще куда ни шло, два, три, четыре... десятки, сотни раз. Ему было трудно не впасть в отчаяние. А начав отчаиваться, он неминуемо стал ошибаться. А уж как поступать с этими ошибками — целиком зависело от матушки.

Как, например, с этими несколькими сотнями тканевых доспехов.

Я никогда не верила, что кто-то, замышляя мятеж, станет использовать тканевые доспехи вместо железных. Иными словами, если бы второй брат и впрямь вознамерился поднять восстание, разве у него не было личной стражи, дворцовой охраны? К чему тогда вооружать воинов этими тряпичными доспехами?

Отец, должно быть, тоже понимал эту логику, поэтому изначально не желал немедленно низлагать наследного принца.

<http://bllate.org/book/16278/1466717>